

Марина Уртминцева
Максим Горький:
реабилитация или новая мифология?

В начале XXI века Россия оказалась перед лицом глобальных изменений, происходящих в политической, социальной, культурной жизни, которые вызвали дискуссии об исторической судьбе страны, об особенностях национального сознания и менталитета русского человека. Проблема взаимоотношения личности и государства оказалась едва ли не центре внимания не только русской, но и мировой культуры и политики. В этих условиях особую актуальность приобретает проблема национальной идентичности русской культуры, одним из путей решения которой становится стремление возродить те духовные традиции, которые были укоренены в сознании русского человека.

Для «литературоцентристской» в целом культуры России всегда было характерно уважение к авторитету слова. «Учительность» литературы с древнейших времен осознавалась как неотъемлемое ее качество, обладавшее энергией преобразования мира и человека, особо востребованное в переходные периоды жизни страны и государства. Россия на рубеже XIX-XX веков, переживая острейший кризис во всех сферах жизни, вызвала к жизни феномен Максима Горького, в судьбе и творчестве которого отразилась, по словам Константина Федина, «биография его века»¹. Действительно, уже первые биографы Горького, в частности, Илья Груздев, так и поступали, сосредоточившись на изображении эпохи, среды, поиске ранее неизвестных фактов и обстоятельств, с которыми так или иначе

© Марина Уртминцева. 2015

© TSQ № 53. Summer 2015

¹ Федин, Константин. Горький среди нас. Москва: ОГИЗ, 1943, с. 22.

был связан писатель. Так, в статье «Лицо и маска» (1922), рассуждая об особенностях личности писателя, Груздев делает весьма важное признание, касающееся в первую очередь именно Горького: «...непосредственное выражение мысли и чувств в пределах искусства невозможно»², тем самым подчеркивая, что факты биографии Горького — это внешний контур его жизни, творчество — преломление пережитого, которое нельзя рассматривать как источник для изучения личности писателя. Со времени появления первой краткой биографии писателя в 1933 году³, многочисленных мемуаров современников писателя, а также серьезных монографических исследований, посвященных личности и творчеству Горького, созданных на рубеже XX—XXI веков⁴, еще в 2000 году, как отмечал американский исследователь Барри Шерр, «задачу создания достоверной горьковской биографии еще предстоит решить»⁵.

В 2000-х годах в России появились три книги, посвященные биографии и творчеству Горького. Одна из них — научная монография Лидии Спиридоновой «Настоящий Горький: мифы и реальность»⁶, две другие — беллетризованные био-

---

² Груздев Илья. Лицо и маска. // Серапионовы братья. Заграничный альманах. Берлин: Русское творчество, 1922, с. 208.

³ Груздев, Илья. Горький. Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. Второе издание этой книги, дополненное восьмой главой, вышло уже после смерти Горького, в 1938 году. Другой труд Груздева, посвященный Горькому, «Горький и его время» (Ленинград: Худ. лит., 1938; изд. 2-е, Москва: Сов. писатель, 1948; изд. 3-е, доп., М.: Гослитиздат, 1962), биография иного типа.

⁴ Баранов, Вадим. Огонь и пепел костра. Горький: Волго-Вятское кн. изд.-во, 1990; Сухих, Станислав. Заблуждение и прозрение Максима Горького. Нижний Новгород: Изд-во Н. Новгород, 1992; Спиридонова, Лидия. М. Горький: Диалог с историей. Москва: Наследие, 1994; Ваксберг, Аркадий. Гибель Буревестника. М. Горький: Последние двадцать лет. Москва: Терра-Спорт, 1999; Хьетсо, Гейр. Максим Горький: Судьба писателя. Пер. с норвежск. Москва: Наследие, 1997.

⁵ Шерр, Барри. Илья Груздев — биограф Горького // Максим Горький-художник: проблемы, итоги и перспективы изучения. Горьковские чтения-2000; Материалы Международной конференции. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2002, с. 44.

⁶ Спиридонова, Лидия. Настоящий Горький: мифы и реальность. Москва: ИМЛИ РАН, 2013.

графии писателя, созданные Павлом Басинским «Страсти по Максиму»⁷ и Дмитрием Быковым «А был ли Горький?»⁸. В книгах Басинского и Быкова читателю предложены оригинальные версии биографии Горького, созданные на основе внимательного изучения биографических материалов и чтения его произведений. Каждую из этих книг можно смело назвать ответом на вызовы времени, когда на повестке дня — задача вернуть Горького России и ее читателю. И Басинский, и Быков хорошо известны своими работами в области критики, публицистики, художественного творчества. Объединяющей сочинения Басинского и Быкова интенцией, при безусловном различии результата работы, является стремление *реабилитировать* Горького в глазах современников и потомков, обнаружить психологические причины его поступков в различные периоды жизни и попытаться найти им объяснение, обратившись к наиболее значимым, с их точки зрения, фактам биографии писателя. Вместе с тем, важно подчеркнуть, что ясно обозначенная в этих биографиях цель — показать непреходящую ценность горьковской философии человека, представленной как непрерывный процесс обретения правды и сомнений в ней, имеет для каждого из авторов глубоко личный смысл.

Анализ принципов отбора, систематизации и изложения известных и малоизвестных фактов биографии Горького показывает, что каждый из авторов идет своим путем, выступая в роли **читателя**, в сознании которого происходит процесс переработки впечатлений, полученных в результате знакомства с различными источниками: перепиской писателя, материалами архивов, мемуарами современников, художественными произведениями Горького, его публицистикой. В известной степени такой подход к созданию биографического повествования совпадает с исследовательским подходом, осуществленным в монографии Спиридоновой, перед которой стояла задача освободить биографию Горького от догм марксист-

---

⁷ Басинский, Павел. Страсти по Максиму: Горький: девять дней после смерти. М.: АСТ: Астрель, 2011.

⁸ Быков, Дмитрий. Был ли Горький? М.: АСТ: Астрель, 2012.

ской методологии путем выработки критериев, с помощью которых будут преодолены сложившиеся мифы о его личности. Важнейшим критерием оценки личности писателя, как отмечает Спиридонова, является исследование процесса формирования его *исторического сознания*, изменявшегося в зависимости от исторических обстоятельств⁹.

Необходимость развенчания мифов о Горьком, сложившихся не только в литературоведении, но и в общественном сознании России, вновь приобретает актуальность в постперестроечную эпоху, когда к уже существовавшим мифам о Горьком как пролетарском писателе, друге Ленина и Сталина, Горьком как «дводушном» полуинтеллигентном приспособленце и лжеце, Горьком — певце колоний и лагерей, товарище шефа ОГПУ присоединяется миф о Горьком как «надсмотрщике» над советскими писателями, державшем их в узде созданной им теории социалистического реализма. Задаче преодоления негативного отношения к личности и творчеству Горького путем воссоздания процесса формирования его психологии, и шире, мировоззрения, в которых отразились этапы становления национального самосознания русского человека, особенности национального характера, и посвящены книги Басинского и Быкова. Они появились очень вовремя, стали очень «своевременными книгами», так как включение России в мировую цивилизацию требует от нации сознательного отношения к культуре прошлого, без которой «сегодняшний негативный воздух России, направленный на отрицание своей истории [...] подрывает корни [...] старой идеологии, ничего не предлагая взамен»¹⁰.

---

⁹ Подробное рассмотрение этой проблемы см.: Спиридонова, Настоящий Горький, 2013, с. 28-88 (Гл. 2. Формирование исторического сознания М. Горького). Заслуживающие внимания создателей биографии Горького суждения об отношении писателя к правде и мечте содержатся в воспоминаниях Владислава Ходасевича, однако необходимо учитывать, что эта версия не рассматривалась самим Ходасевичем как окончательный вердикт и была высказана в воспоминаниях, написанных в 1938 году. См. об этом: Ходасевич, Владислав. Воспоминания о Горьком. М.: Правда, 1989.

¹⁰ Синявский, Андрей. Основы советской цивилизации. М.: Аграф, 2001, с. 377.

Исследовать биографию, созданную профессиональным читателем и писателем, крайне сложно, поскольку сам текст такого рода является полем пересечения различных равнодействующих сил, в котором осуществляется стремление автора не столько к «объективному» изложению фактов, сколько к доказательству собственной концепции, воплощению индивидуально-авторского понимания личности, сюжетообразующему началу повествования. Изучение *структуры* текстов беллетризованных биографий, а именно к такому типу можно отнести книги обоих авторов, дает основание для исследования их как *результата синтеза осознаваемого и интуитивного* восприятия личности Горького, в котором интуитивное едва ли не преобладает в оценке фактов его биографии. В свое время один из основателей филологической герменевтики Вильгельм Дильтей выдвинул тезис о познании чужого «я» путем вживания в него, в процессе осуществления интуитивного самопостижения интерпретатором самого себя¹¹. Помимо психологического аспекта, на основании которого создается образ личности Горького в творчестве современных авторов, следует учитывать и тот факт, что для биографов Горького, о которых идет речь, его жизнь и судьба предстают как *структура*, позволяющая воле пишущих о нем повторять ее, с различными вариациями, которые во многом определяются особенностями исторического момента. Изучение биографических текстов о Горьком восстанавливает современный контекст его восприятия, характеризует авторскую интенцию, порожденную «текстом Горького», а характер интерпретации определяется духовным опытом читателя (в данном случае Басинского и Быкова), их эстетической и нравственной позицией.

В известной степени идея Гадамера о применении понимания и толкования текста с целью *применения* их в современной ситуации (той, в которой находится автор) созвучна идее Романа Ингардена, еще в 30-е годы XX века определившего

---

¹¹ Дильтей, Вильгельм. Собр. соч.: В 6 тт. / Под ред. Александра Михайлова и Николая Плотникова. Т. 4: Герменевтика и теория литературы/ Пер. с нем. под ред. Владимира Бибикина и Николая Плотникова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001, с. 308-313 (Часть 2. Раздел II. Гл. 2. Опыт психологического объяснения поэтического творчества. § 1-3).

два основных вида деятельности интерпретатора текста — реконструкция и конкретизация¹². Изучение способов разгерметизации текста дает возможность понимания феномена его восприятия, обнаруживая в вербализации результата особенности личности читателя, в нашем случае, авторов биографических текстов. Именно феноменологический подход к биографии Горького, выстраивая свое понимание роли личности Горького сегодня, избирают его современные биографы. Путем *реконструкции* фактов его жизни, заполняя «пустые» места и «участки неопределенности» собственными представлениями и эмоциями, они *конкретизируют* свое понимание личности Горького — человека и художника, создавая собственный миф о нем.

Способы же реконструкции, а значит и конкретизация как ее итог, наглядно демонстрируют различие в психологическом облике каждого из авторов — читателей — создателей горьковской биографии. Биографическое повествование в романе Басинского — результат переработки впечатлений автора, сформировавшихся на основе, как пишет автор, освоения «строго документального материала, в том числе архивного»¹³. Действительно, текст романа перенасыщен цитатами из произведений Горького — автобиографической трилогии, пьес «На дне», «Мещане», «Достигаев и другие» «Несвоевременных мыслей», цитируются его письма, предсмертная записка казанского периода, высказывания о писателе в мемуарах Бунина, устный рассказ Владыкина о пребывании Горького в казанской ночлежке, обнаруженный Груздевым в «Босаяцкой газете», и т. д. Как видно из приведенного далеко не полного перечня источников, которые были использованы автором для воссоздания картины внутренней жизни молодого Горького, они представляют собой материалы отнюдь не равноценные по значимости и достоверности. Далеко не каждый из них является документом, однако используется Басинским

---

¹² Ингарден, Роман. Исследования по эстетике. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1962.

¹³ Басинский, Страсти по Максиму, 2011, с. 3.

как аргумент, служащий подтверждением справедливости вывода, который делает на его основе автор концепции.

Показателен в этом плане фрагмент третьей главы романа, «Переход и гибель», посвященный нижегородскому периоду жизни Горького. В нем идет речь о безумии Горького, которое настигло его в период усиленных занятий философией, в частности, в результате знакомства с книгой Ницше «Так говорил Заратустра» в переводе жены нижегородского химика-философа Николая Васильева. Цитируя фрагменты очерка, где герой признается, что обнаруживает в себе «явные признаки безумия» («Я видел Бога, это Саваоф, совершенно такой, каким его изображают на иконах и картинах...»¹⁴), автор далее приводит еще один аргумент — заключение нижегородского психиатра, посоветовавшего молодому человеку больше физически трудиться, прекратить воздержание, «завести бабенку, которая пожаднее к любовной игре, — это вам будет полезно»¹⁵. В этом очерке, утверждает Басинский, Горький прекрасно передал свое «умственное состояние в 1889-1890-х годах»¹⁶. Но ведь очерк «О вреде философии», цитаты из которого выписывает Басинский, используя их в качестве «документального свидетельства», характеризующего психическое состояние героя очерка, был написан Горьким *тридцать лет спустя*, в 1922 году. Как видим, художественно обработанный автобиографический материал (кстати, в более развернутом виде он представлен в очерке «Время Короленко», но о нем Басинский лишь упоминает, так как тот не укладывается в «прокрустово ложе» его концепции) подается автором романа как признание самого Горького, подкрепляемое параллельно вводимым рассказом о том, как сходил с ума Ницше. Поэтому в следующей главке, «Горький и Ницше», даются ссылки еще на два «документальных» источника. Один из них — статья Ольги Форш «Портреты Горького» (1928), где она отмечала не только такую общую черту Горького и Ницше, как «пугающие усы», но и более прочное сходство —

---

¹⁴ Басинский, цит. изд., с. 183.

¹⁵ Басинский, цит. изд., с. 184.

¹⁶ Басинский, цит. изд., с. 181.

их «внутреннее родство, наложившее на их облики общую печать»¹⁷. Какую же роль должна была сыграть цитата со словами героя очерка, что он «обнаружил в себе явные признаки безумия», выписанная из произведения, созданного 30 лет спустя, да еще «подкрепленная» заявлением Форш? Сближая в собственном тексте эти две цитаты, Басинский считает, что в них содержится разгадка феномена раздвоения личности, которым страдал Горький. Кстати, одним из первых мысль о раздвоении личности Горького выдвинул Корней Чуковский в статье «Две души М. Горького»¹⁸. Начиная свою статью с анализа «Детства», Чуковский последовательно проводит мысль о «двоедушии» Горького, используя в качестве названия имя публицистической по своему характеру статьи Горького «Две души»¹⁹, где Горький излагает свое понимание особенностей цивилизации и культуры Востока и Запада. Что касается романа-исследования Басинского, то он создает свой «миф» и пишет о двойничестве Горького, ссылаясь на признание героя повести «О тараканах»: «юморист Марк Твен принял в гробу сходство с трагиком Фридрихом Ницше, а умерший Ницше напомнил мне Черногорова — скромного машиниста водоканчки на станции Кривая Музга»²⁰. Как видим, биограф опять использует прием ссылки на художественное произведение, однако вырванная из контекста цитата никакого отношения к «двойничеству» Горького не имеет. В маленьком романе «О тараканах» (1925) этот фрагмент текста связан с констатацией смерти безымянного, уже «нездешнего» человека, по выражению рассказчика. Он «помер „на ходу“ и больше никуда не пойдет и никогда не почувствует усталости», поэтому совершенно неважно на кого он похож. Цитированный фрагмент — часть экспозиции философского сюжета о психофизиологии человека, о соотношении идеального и материального в нем

---

¹⁷ Басинский, цит. изд., с. 189.

¹⁸ Чуковский, Корней. Две души М. Горького [1924]. Электронный ресурс: <http://philologos.narod.ru/chukovsky/2dushi.html>.

¹⁹ Горький, Максим. Две души // М. Горький: pro et contra/ Вступ. ст., сост. и примеч. Юрия Зобнина. СПб.: РХГИ, 1997, с. 91-102.

²⁰ Цит. в: Басинский, цит. изд., с. 189.

(«что такое человек»?²¹), но к разгадке тайны «двойничества» Горького не имеет никакого отношения.

В том же ключе, что и Басинский, решает проблему биографического повествования о Горьком и Быков, желая *реабилитировать* писателя перед своими современниками, которые, как пишет автор очерка, гибнут в условиях «усыпляющей стабильности», «почти поголовной летаргии». Возвращение Горького — при жизни будоражившего умы (и продолжающего их будоражить), угадывавшего «самую болезненную проблему и самого сильного противника»²² — в лоно современной культуры становится целью биографического очерка. Автор в предисловии предупреждает читателя, что «художественное качество» упоминаемых им текстов Горького «здесь играет роль второстепенную», поэтому практически все повествование представляет собой мастерски пересказанные сюжеты горьковских произведений, которые Быков использует как «связки» собственных умозаключений об особенностях личности писателя.

В отличие от Басинского, для которого метафора девяти дней, подаренных Горькому после смерти, легла в основу композиции книги, Быков структурирует материал иначе, выделяя в биографии писателя четыре периода жизни, каждому из которых, как считает Быков, соответствовал определенный тип отношения писателя к миру и к собственной личности. Каждому из них Быков дает определения «Бродяга», «Изгнанник», «Беглец» и «Пленник», объясняя, таким образом, что жизненный путь Горького может быть представлен в виде своеобразной метафоры «движения», обозначающей фазы его психофизиологического состояния.

Наиболее отчетливо эта идея Быкова просматривается в интерпретации автобиографического материала, из которого автор выбирает то, что, на его взгляд, характеризует особенности самосознания Горького, проецирующего себя в мир. Остановимся подробнее на тех приемах, которые характеризуют

---

²¹ Горький, Максим. О тараканах / М. Горький. Полн. собр. соч. Худ. произведения. В 25 т. Т. 18. М.: Наука, 1973, с. 36-37.

²² Быков, Был ли Горький?, 2012, с. 7.

особенности работы Быкова с фактами горьковской биографии.

Быков в названии очерка «Был ли Горький?» имплицитно определяет ракурс создаваемой им версии горьковской биографии. Это «очки» Клима Самгина, через которые он смотрит на мир, во всем сомневаясь, все подвергая ревизии своего интеллекта. Именно этим путем пошел и Быков, «взрывая», подобно Горькому, сложившиеся стереотипы мышления, эстетические оценки, изменяя представления о нормах писательского поведения и т. д. Так, Быков пересматривает сложившиеся в научном горьковедении аксиомы, в частности ту, что связана с периодизацией творчества писателя, утверждая, что деление творчества Горького на романтическое и реалистическое, с его точки зрения, не соответствует реальности. Горький никогда не был романтиком («врут», коротко констатирует Быков). Автор ссылается на ранний опыт Горького, на его автобиографию «Изложение фактов и дум, от взаимодействия которых отсохли лучшие куски моего сердца». По мнению автора, это «законченный <...> или, по крайней мере, тот Горький, которого называют „ранним“», так как тон повествованию задает воспроизведение картин тяжелой действительности, в условиях которой происходило становление его самосознания. Прибегая к стилистическому анализу текста, Быков показывает, как ирония, с которой автор относится к себе и к окружающему миру, рождает «перемудренный» язык, придающий комический эффект высказыванию в целом. Сообщая о том, что Горький хранил рукопись (беловую и черновую), но не публиковал ее, автор очерка не отвечает на вопрос о мотивах такого решения Горького, но подводит читателя к следующему заключению: в «Изложении» Горький обнаруживает свою истинную сущность человека, испытывающего ненависть к своему прошлому, мстя ему. Стилистический анализ его фельетонов, писанных для «Одесских новостей» и «Нижегородского листка», подтверждает эту мысль Быкова. Он, как яркий публицист, подчеркивает такие черты фельетонного мышления Горького, как живость, пластичность, лаконичность, в которых точно выразилось настроение *большинства*

посетителей выставки, «смесь досады и гордости»²³, важнейшая черта национального самосознания в целом и Горького, в частности.

Излагает свою версию Быков и в отношении другого «самого автобиографического», как он считает, произведения Горького для театра — пьесы «Мещане». В ней он обнаруживает психологическую опору для себя в позиции горьковского героя Нила: «Хватит ныть, хватит жаловаться — пора переменить жизнь». И если, защищая это свое понимание смысла высказывания горьковского персонажа, Быков сожалеет, что сам писатель «не всегда понимал, что же сказать и сделать в ответ на эти избыточные ожидания»²⁴, то сам автор горьковской биографии знает, что делать *ему*: дать свое объяснение сложной и противоречивой личности Горького, отвечая на вынесенный в заглавии книги вопрос «был ли Горький?». «Он — был».

Рассмотренные нами художественные биографии Горького, безусловно, являются не только формой выражения индивидуальной оценки его личности и творчества. Они ясно обозначили начало нового этапа литературоведческой рефлексии, целью которой становится определение дальнейшего пути развития современной русской литературы в новых исторических условиях. Выведение за пределы литературного процесса (в средней, высшей школе) таких фигур, как Максим Горький (Леонид Леонов, Михаил Шолохов, Александр Твардовский и др.) пагубно сказывается на самосознании современного общества, лишает молодое поколение будущего. Национальная идентичность не может быть сформирована без знаний о собственной культуре, литературе, истории, политике. Последняя составляющая национальной идентичности — политический аспект, как правило, интересовал предшественников Басинского и Быкова в первую очередь (этому посвящены книги Ваксберга, Баранова), в то время, как в представленных нами характеристиках результатов биографических исследований на первом плане все-таки Горький-писатель, худо-

---

²³ Быков, цит. изд., с. 116.

²⁴ Быков, цит. изд., с. 141.

жественное и публицистическое наследие которого рассматривается как жизнетворчество в контексте определенной исторической эпохи. Хочется надеяться, что именно такой подход к исследованию творчества Максима Горького, о чем писала Лидия Спиридонова, позволит в будущем создать подлинно научную биографию писателя, время для которой уже наступило.

Каждая из рассмотренных в статье книг по-своему выполняет функцию «учительности». Для Басинского характерно стремление «ликвидировать» пробелы в знаниях современного читателя о Горьком, используя малоизвестные широкой аудитории факты биографии писателя в построении собственной концепции. Суть ее сводится в общем к тому, что Горький в последние годы жизни был игрушкой в руках Сталина и его окружения, человеком, который внутренне смирился с режимом, пользуясь привилегиями, которые ему позволяли иметь.

Что касается Быкова, то «учительность» его позиции совершенно иная: пробудить самосознание человека, запустить процесс выработки собственной жизненной позиции, чему, по мнению Быкова, может послужить внимательное чтение произведений Горького. Сильная сторона книги Быкова — в ярко выраженной критике стереотипов как советского, так и постсоветского горьковедения. Эта критика могла бы быть более весомой, если бы автор более четко сформулировал пути преодоления сложившегося в настоящее время негативного отношения к творчеству и личности писателя, не ограничившись эссеистским подходом к решению задачи.

В последней своей монографии о Горьком Спиридонова рассматривает обе книги как современную мифологию, рассчитанную прежде всего на обывателя (с. 11). Исследовательница обращает внимание читателя на «оговорки», допущенные Басинским и Быковым в определении масштаба литературно-художественной и организационной работы писателя: «нечеловечески Горький» (Быков) и «Горький был *не совсем человек* <...> *иног* происхождения», то есть инопланетянин, присланный из более «развитого», чем наш, мира с целью

«вочеловечения и изучения людской природы изнутри» (Басинский). Ни концепция Быкова (она представлена в книге лишь одной приведенной нами выше цитатой), ни концепция Басинского (за исключением критики несостоятельности его понимания ницшеанства Горького) не стали предметом научной полемики, которой в целом посвящена монография Спиридоновой. «Учительность» книги Спиридоновой обращена прежде всего к научной общественности, перед которой автор ставит задачу объединения усилий в воссоздания объективной картины литературного процесса конца с 1890 по конец 1930-х и определения места в нем творчества Горького.

«Реабилитация» фигуры Горького в современном литературоведении прежде всего связана с осмыслением философских исканий писателя на разных этапах его творчества, исследованием его публицистики, особенно ранней, 1890-х годов, значительная часть которой существует еще в газетном варианте, не собрана и не осмыслена, расшифровкой, публикацией и изучением эпистолярного наследия, которое позволит восстановить картину духовных исканий писателя в последние годы жизни, изучением поэтики его произведений, особенно финального романа Горького «Жизнь Клима Самгина», а также исследование различных видов и форм общественной и организационной работы, которая проводилась писателем на протяжении всей его жизни.

Реабилитация или новая мифология? Конечно же, мифология, но миф онтологичен по сути своей, а его актуализация — свидетельство востребованности обозначенной в нем проблемы: влияние творчества Горького на русскую и мировую литературу.